

Майкл, восемнадцатилетний юноша, стоял перед тремя взрослыми абсолютно голый. Он не особенно смущался, так как сие обстоятельство не выходило за рамки обычного порядка вещей. По достижении данного возраста все особи мужского пола этой местности проходили инициацию — обряд посвящения в воины. Они расставались с детством и становились мужчинами путём жестоких испытаний. Не выдержавшие — погибали. Отец тренировал Майкла постоянно с самого нежного возраста. Изнурительные физические упражнения, изматывающие пробежки и подводные заплывы, обливания холодной водой даже в снежное время. И ещё — порки. Они проходили в последний день недели. Отец выводил голого сына во двор, подвешивал за ноги к турнику и стегал его длинной серебрястой цепочкой по всему телу, щадя только голову и половые органы. С каждым полугодием количество ударов увеличивалось. И дело вовсе не в провинностях — просто необходимость приучения к боли вынуждала применять столь крутые меры. Майкла привыкли видеть всегда исполосованным красными отметинами. Впрочем, подобное получило распространение по всей территории государства. Только так, приучив к физическим нагрузкам и терпению, можно было надеяться на благополучное прохождение обряда.

Тёмные силы взяли верх над человечеством и буквально пожирала всё новые земли и народы. Тогда и пришло решение возродить древние ритуалы. Сначала в общинах, потом в деревнях и, наконец, города брали на вооружение новые методы борьбы с упадком и разложением. Практика, какую применял в отношении Майкла его отец, не оставляла детям и подросткам сил и времени на лень и праздность, на потакание собственным слабостям и пагубным привычкам. Последующая инициация окончательно изменяла сознание испытываемого. Теперь ничто не могло поколебать его стремление спасти человечество от распада. Люди научились бороться с искушениями и победили пороки. И обряды продолжались при полной поддержке населения. На заре становления новых порядков, конечно, пришлось много сопротивлений преодолеть, но теперь, вроде, сомнений в правильности курса никто не выражал.

Сначала шёл процесс умирания — расставание с детством. Обеспечивать его по отношению к Майклу будет друг семьи Ксанда, странная молодая женщина. Майкл помнил её с далёкого детства, и она с тех пор внешне не изменилась. Из троих взрослых именно она интересовала юношу, так как остальные — его отец и мать. По причине жаркой погоды Ксанда оделась легко — короткое, не слишком прикрывающее бёдра тёмно-синее атласное или шёлковое платье, держащееся на плечах за счёт двух тонких полосок ткани — как они называются? Бретельки? Майкла не интересовали подробности женского одеяния. Его притягивало загорелое, тонкое и гибкое тело красавицы. Он смотрел на её обнажённые плечи, красивые руки, стройные ноги, особенно колени. Юноша почувствовал, как зашевелились его яички, а к члену прилила волна, отчего орган слегка вытянулся и начал было приподниматься, но тут отец заговорил, и Майкл постарался сосредоточиться на его словах.

— Сегодня великий день для всей нашей семьи. Мой старший сын получает шанс стать мужчиной, воином. Майкл, ты удостоился великой чести пройти обряд посвящения, и мы все будем молиться, чтобы ты выдержал испытание. Впрочем, я думаю, это не станет для тебя проблемой. Я достойно воспитывал тебя, а ты достойно переносил все трудности. Надеюсь,

Майкл, ты не подведёшь меня. Наша семья принадлежит древнему роду, и честь её никак не должна быть запятнана...

На лице Ксанды появилось отвращение. В окружающей обстановке она видела одну лишь фальшь, и только Майкл на фоне пошлого спектакля привлекал её. Ксанда чувствовала возбуждение, исходящее от юноши, и завелась сама. Она разглядывала обнажённого парня. Крепкий, мускулистый, загорелый. Гордая осанка, бесстрашный и несколько ироничный взгляд серых глаз показывали в нём надежду на перерождение, принадлежность к более достойному обществу, чем тупой обидливший папаша и невзрачно-пустая мамаша. Ксанде хотелось поскорее остаться наедине с Майклом, прикоснуться к нему, нежно обнять и взъерошить чёрные, коротко постриженные волосы, шепнуть на ухо... всю правду о природе вещей, окружавших его на протяжении жизни. Отец прекратил трескотню, и сын едва не вздохнул с облегчением. Притяжение к рыжеволосой красавице отчётливо витало в воздухе. Между ними возникло чувство, никогда ранее не испытываемое. Юноша уже не слышал переговоров взрослых, и даже не видел их. Только глаза Ксанды, яркие, зелёные, с вертикально удлинёнными зрачками. Когда она взяла его за руку, Майкл вздрогнул и вернулся в реальность.словно привязанный, он шёл за ней в спальню и даже не оглянулся на родителей. Наконец-то никто им не мешает. Ксанда взяла в руку член юноши и почувствовала, как он набухает и твердеет. Не прошло минуты, и слегка пульсирующий орган воспрянул в полную мощь. Майкл никогда раньше не испытывал подобного. На ночь ему постоянно надевали специальный пояс, в результате член оказывался в металлической клетке, и эрекция становилась невозможной. Но подросток умудрялся заниматься онанизмом в дневное время, ведь никто не мог контролировать его ежесекундно.

Прикосновение посторонней руки оказалось намного приятнее, чем собственной. Отойдя на пару шагов, Ксанда сняла платье. Она стояла перед Майклом полностью обнажённая. Он чувствовал бешено колотящееся сердце, томительная волна захлёстывала всё тело. Майкл не смог бы отвести взгляд даже под угрозой смерти. Вообще-то, вземной красотой женщина не отличалась, просто выглядела очень привлекательно. Хорошенькая фигурка, маленькая спортивная, упругая грудь, чистая, ровно загорелая кожа, но ничего необычного. Однако, юноша, воспитывающийся в столь строгих условиях, не мог реагировать сдержанно. Он осмелился прикоснуться к женщине, провёл рукой по её телу, от плеча до живота. Ксанда поглаживала его член вдоль ствола, на ладони её оставалась обильно выделяемая смазка. Майкл жадно трогал красавицу и не мог остановиться. Он знал, что произойдёт, но потерял контроль над собой. Вскоре юноша брызнул ручейками спермы. Возбуждение, вопреки ожиданиям, не спадало. Член немного поник, но не уменьшался до обычных размеров. Красавица плотно прижалась к Майклу, он несмело обнял её. Их губы соединились, языки соприкоснулись, исследуя друг друга. Своим плотно набухшим органом Майкл прижался к выбритой пипке любовницы, она специально приготовила её так для определённых действий, оставив лишь мягкий пушок на лобке. Юноша одной рукой обнял женщину за талию, второй трогал её между ног. Их тела сильно прильнули друг к другу, рты не расставались. Ксанда обняла партнёра, запрокинув руки за шею, это понравилось ему гораздо больше, чем стандартное объятие за плечи. Его ладонь повлажнела от возбуждения красавицы. Член вновь напрягся до предела, даже слегка обнажилась головка. Одними поцелуями уже не ограничишься.

Майкл внезапно отстранился и стал перед женщиной на колени. Она догадалась о его

намерении и порадовалась сообразительности юноши. Ксанда планировала подобное, но необходимость в совращении отпала. Молодой человек оказался перспективным. Не имея сексуального опыта, он подчинялся инстинктам, которые показывали верно выбранное направление. Значит, он мечтал о подобных манипуляциях, а раз так — утащить его с пагубного пути, проложенного родственниками, не составит особого труда.

Его язык проник глубоко внутрь. Рот впился в половые губы, взасос целуя чисто выбритую пипку. Майкл глотал её соки, словно не мог насытиться. Ксанда плотнее притиснула голову юноши, перебирая чёрные густые волосы, отчего по телу Майкла бегали приятные мурашки. Ксанда содрогнулась, тихо застонала, больно сжала шею партнёра.

После волны оргазма ей хотелось слегка перевести дух. Она села на диван, придвинула к себе Майкла и взяла в рот напряжённый, пульсирующий член. Юноша тихо охнул и запустил руки в пышные рыжие волосы Ксанды. Она то полностью заглатывала, то слегка касалась губами истекающей соком головки, то обхватывала ртом весь ствол. Майкл подыгрывал ей бёдрами, посылая член поглубже, ногти Ксанды вонзались в его ягодицы. Майкла хватило ненадолго. Он выплеснул в ротик красавицы струю очень жидкой спермы. Она безропотно проглотила её, высосала остатки, оттянула кожицу и, обнажив головку, тщательно слизала всё до капли. Парень, выжатый почти до предела, отвечал неохотно и односложно на провокационные вопросы Ксанды. Он хотел спать, но ласки любовницы не давали сделать это. Юноша лежал на спине, заложив руки под голову, а женщина пальчиками сжимала ему соски, поглаживала по животу и ниже лёгкими, порхающими движениями. Потом обняла партнёра, легла сверху и поцеловала в губы. На протяжении развратных манипуляций Ксанда время от времени вызывала юношу на разговор. Смысл сводился к отказу от прохождения обряда. Майкл считал слова частью инициации, проверкой на моральную прочность. Поэтому речи любовницы не имели успеха. Она предлагала ему убежать, бросить дом, семью, где никто не мог дать удовольствия, подобно сегодняшнему, где, кроме страданий, он не получал ничего.

— Но ведь родители кормят меня, одевают...

— Для чего?

— Ну... Я ведь должен продолжать род.

— А тебе, лично тебе это надо?

— Это обязанность каждого.

— Плевала я на обязанности! Скажи, ТЕБЕ этого хочется?

— После сегодняшней ночи — да!

— Тебя отдадут глупой клуше из твоей деревни. Ты думаешь, кто-то из них сможет доставить тебе такое удовольствие? Хорошо подумай, Майкл. Вспомни их глупые рожи и скажи — ты в них уверен?

— Их, наверное, тоже учат.

— Чушь! Они о тряпках думают, о сплетнях и ни о чём больше.

— Но ты ведь...

— Не сравнивай меня с ними! Я не из вашего мира! Что ты знаешь обо мне, откуда я пришла?

— Но тебя знает мой отец!

— А ты в курсе его прошлого? Он боится меня. Разве мужские особи вашей деревни боятся женщин?

— Нет, но... — Майкл задумался.

И вправду, Ксанду избегали. И одевалась она слишком вызывающе, открыто. И

презрительно смотрела на окружающих, переговаривалась с ними свысока, приказным тоном. Только к детям и подросткам, то есть, к непрошедшим обряд относилась терпимо. Майкл только теперь обратил внимание на мелкие подозрительные детали.

— Но откуда ты? И почему тебе ничего не могут сделать?

— Они боятся меня, знают, что я выше их и дерьмовых обрядов, не имеющих никакого значения для похожих на меня. Что ты знаешь об истории человечества? Что оно прогнило и распалось? Но ты не выходил за пределы деревни, не видел планету, думаешь, твои учителя не врут?

Всю ночь беседа шла в подобном духе. В перерыве Ксанда вернула юношу в боевое состояние. Она слезла с него, легла на спину, согнула колени и раздвинула их. Она манила его, окончательно избавив от сонливости. Майкл навис над женщиной, которая умелыми, нежными ручками направляла в себя твёрдый, подрагивающий от сильного возбуждения член любовника.

Толкающими движениями Майкл вогнал его до основания и почувствовал, как плотно он сжат.

— Теперь давай, двигай им вверх-вниз.

Ксанда тискала упругие ягодички юноши, царапала мускулистую спину. Через некоторое время Майкл выбрал удобный темп.

Сильные ноги Ксанды крепко обхватили партнёра, он оказался в мощных, но одновременно приятных тисках. Вновь их губы соединились, языки встретились и ласкали друг друга. Майкл чувствовал более, чем плотское соитие. Это было родство душ, встреча одиночеств. Всю свою короткую жизнь Майкл занимался уходом за большим двухэтажным домом, огородом — понятие прислуги отсутствовало. Свободное время отнимали школа, физическое воспитание. Он не знал любви, ласки. Мать, пустая равнодушная женщина, отец, тусклый простак, проводили жизнь в труде и постоянных бытовых заботах. Девчонки и мальчишки обучались раздельно, дружить им не давали, строго следили, ибо отношения между полами позволялись только после обряда.

И, наблюдая за молодыми, прошедшими обряд, дети завидовали им. Подростковые плотские ощущения будоражили, томили, не находили выхода и приводили к мастурбации, за которую строго наказывали. Впрочем, всё воспитание сводилось к преодолению боли, так что никакая экзекуция не могла отучить от тяги к онанизму. Что касается Ксанды, то в её мире элита, к коей она принадлежала, презирала плотские отношения. Женщина была вынуждена искать их среди низко расположенных слоёв общества. Руководство учло её страсть и использовало для собственных специфических нужд.

После бурного семяизвержения Майкл вновь подвергся психологической обработке.

— На страданиях не построишь ничего хорошего, — говорила Ксанда. — Вдумайся, Майкл, боль ведь плоха, а на ней держится ваше государство. Для чего вы живёте? Для чего вам страдания?

— Мы должны преодолеть боль, чтобы стать сильными.

— Я не испытала ни капли мучений, выпавших вам, но я сильнее вас всех. Майкл, тех, кто ведёт себя не по правилам, изгоняют, забивают в любом смысле, но ты прекрасно понимаешь, что я — чужая, ты знаешь меня с детства, и до сих пор мне никто не смог причинить неприятностей. Ты ведь понял — меня боятся.

Юноша не нашёлся, что ответить.

— Пойдём со мной. Просто сядем в машину, пока не настало утро, и уедем. Ты никому здесь не нужен, и тебе никто.

Он сопротивлялся, но слабо. Ксанда манила его, обещала многое и не лукавила, но годы, проведённые в процессе практически непрерывного промывания мозгов, взяли своё. Майкл так и не смог отказаться от обряда.

— Ладно, — смирилась Ксанда. — Я всё равно буду ждать тебя. Слышишь, Майкл, знай, там, когда тебе будет очень плохо, что я жду только тебя одного. Ты нужен мне, запомни это.

Настало утро. Ксанда тщательно обрила Майкла во всех местах машинкой, которую прихватила с собой на данный случай.

Сначала постригла налысо в отдельной комнате, собрала волосы в мешок, затем процедуре подверглось всё тело. Любовница заставила партнёра наклониться и раздвинуть ягодицы пальцами, тщательно обработала там и в паху; затем — половые органы, отводила член и яйца руками, чем привела юношу в слегка боеспособное состояние. Продолжилась подготовка в ванной, когда на испытуемом не осталось ни одного волоска. Ксанда полила из душа Майкла и велев ему, мокрому, стать на четвереньки, намылила его. Растирая скользкую пену по телу, женщина, естественно, не обошла вниманием самые чувствительные части.

Пришлось успокаивать подопечного, вода ладонью вдоль его твёрдого ствола. Когда Майкл сбросил напряжение, Ксанда ополоснула его, вытерла и вывела в комнату к родителям.

После очередного приступа речевого поноса, случившегося у отца, юноше надели на глаза чёрную повязку. Его обняли родители, но он отнёсся к ним прохладно, они казались фальшивыми, и только поцелуй Ксанды, её нежные прикосновения пробудили сладкое томительное чувство.

Отец за руку вывел его во двор и на улицу. Там он поотстал и с помощью прута направлял Майкла по пути, похлёстывая по бокам, если тот сбивался в стороны. Жители деревни, стоящие вдоль, осыпали его горстями земли. В конце дороги, у речки, незнакомые сильные руки подхватили испытуемого и погрузили в трюм какой-то плавающей посуды, где позволили снять повязку. Там царил кромешная тьма. Майкл чувствовал рядом обнажённые тела других иницируемых юношей из окрестных селений. Все сидели на полу. Майкл тоже присел в тесной скученности.

Плыли они долго и порядком утомились. Держаться не за что, путников постоянно швыряло друг на друга, но они не ссорились и не разговаривали — темнота и ожидание испытаний притупили их характеры. Духота и моторные запахи тоже не прибавляли бодрости.

Наконец, они на причале. Их провели в одно из стоящих на берегу зданий. В большой комнате прочитали надоевшую дома речь, юноши дали клятву, и их по одному запускали в двери. Пять коридоров разделялись комнатками, где испытуемых слегка подготавливали служители.

В первом коридоре ждали металлические ёлки. Майклу велели одной рукой прикрыть глаза, другой — половые органы и ударили палкой по спине, чтобы он бежал вперёд. Юноша ткнулся в гущу иголок, они сразу впились в его тело, пронзив сотней уколов.

Пол напоминал наждачную бумагу. Майкл вскрикнул, рванулся, металл рвал и царапал кожу. На мгновение мелькнула паническая мысль, что он застрял и теперь лишь глубже увязнет в острой ловушке. Но через несколько шагов он освободился и не бежал, вопреки указаниям, а осторожно пошёл вперёд. Как только порция уколов ударяла в тело, юноша отходил в сторону. Но иглы всё равно терзали. Проткнув кожу и мышцы, они шатались при

движении испытуемого, усиливая страдания. К концу пути его пересекали беспорядочные кровоточащие полосы, подошвы стёрлись, их жгло и рвало. Майкл, казалось, чувствовал пульсацию каждого сосуда, тысячи импульсов дёргали его, заставляя стонать, иголки словно остались в теле, продолжая впиваться болью до костей.

Не успел подросток очнуться, как на глаза ему очень плотно надели очки, сделанные из непонятного материала, похожего на фольгу, застегнули на затылке ремешком и швырнули во второй коридор. Он не видел, что там происходило. С двух сторон через некоторые промежутки времени из стен вырывались и тут же исчезали столбы пламени. Испытуемый находился между двух низких и узких бортиков. Сия конструкция не давала приблизиться к горелкам на чрезвычайно опасное расстояние. Майкл, спотыкаясь и падая, наугад продвигался к новым страданиям. Металлический пол сильно нагрелся. Бьющее пламя сначала обдувало, возвращая истерзанному телу прежнюю чувствительность, затем стало обжигать. Израненные подошвы первыми испытали боль. Падая, юноша опирался ладонями и коленями, ожог заставлял его резко подскакивать. Он бился о раскалённые бортики, инстинктивно отшатываясь от одного к другому. От пламени кровь, истекающая из порезов, свернулась, от горячего воздуха трескались губы, внутри пересыхало. Дыхание причиняло боль. Запах палёной плоти витал в коридоре. Майкл метался из стороны в сторону, высоко подпрыгивая, перескакивая с одной ноги на другую. Выступающий пот мгновенно испарялся от огненных дуновений.

Подошвы покрылись волдырями, которые тут же лопались, так как Майкл наступал ими на обжигающий пол, на мгновение ощущая шипение органической жидкости, сочащейся из ступней. К концу пути он весь покраснел и ощущал, будто сам полыхает жаром. На ладонях, ногах, где он касался горячего металла, назревали следы ожогов.

В третьем коридоре с него сорвали очки, ничуть не нагретые, и толкнули в ледяную кашу. Облегчение длилось меньше минуты, затем ужасно заломило все кости.

— Плыви, плыви быстрее! — кричали служители по бокам бассейна.

Майкл, задыхаясь, поплыл вперёд, разгребая руками слякоть. Он дышал с шумом, тяжело, воздух буквально ранил лёгкие холодом. Судороги сковывали его, Майкл двигался, собрав все силы. Сердце готовилось выскочить из грудной клетки, так мощно оно билось.

Чувствительность постепенно уходила от ног, они немели. Сковывающая сила подбиралась выше и выше.

Майкл судорожно дёргался в ледяной воде. Хорошо, глубина незначительная, ноги упирались в дно, но от холода подгибались, и юноша захлёбывался, погружаясь с головой. Суставы выворачивала неведомая сила. За собой он оставил расплывчатый кровавый след. Рывками добравшись до ступенек, Майкл распластался на них, но кнуты служителей обрушились на рассечённую кожу, добавив боли. Там, где они ударяли, брызгала кровь, невыносимые импульсы пронзали Майкла, возвращали сознание. Крупная дрожь сотрясала его.

Четвёртый коридор он преодолел практически на четвереньках. Изуродованные ступни не выносили нагрузки. Едкий дым наполнил дыхательные пути. Глаза сразу заслезались, Майкл задохнулся. Он закашлялся, упал, но ударами кнутов и палок служители в противогазах подгоняли его к финалу. Резь в пересохшем горле стала невыносимой, юноша терял сознание, не переставая заходиться в диком, судорожном кашле. Осипшим голосом он что-то невнятно произносил, и было это имя Ксанды. Рассудок не подчинялся ему. Дым оседал в лёгких.

Слёзы лились непрерывно, но не приносили облегчение. Нарастала головная боль. Кислая дрянь пропитывала дыхательные пути. Юношу вырвало, пустой желудок выбрасывал кислоту, желчь, бился в спазмах, добавляя свой вклад в долю страданий.

Глоток свежего воздуха в комнатке вернул каплю сил испытуемому. На его руки с двух сторон пристегнули цепи и опрокинули в бассейн с грязной густой чёрной жижей, напоминающей по консистенции илистое, болотное дно. Майкл погрузился по шею. Служители, перемещаясь с двух сторон по бортам бассейна, поволокли несчастного, рассекая его телом содержимое резервуара. Изнурённый парень случайно хлебнул. Грязь скрипела на зубах, сползала по воспалённому пищеводу. Майкл отчаянно отплёвывался. Из последних сил юноша запрокинул голову, но мышцы настолько ослабли, что он не смог удержать её в таком положении. Грязь вновь захлестнула его лицо. Майкл откинулся назад, но служители рванули его, тело погрузилось ниже, масса залила рот, нос. Майкл выплюнул её, но ушёл с головой в содержимое. Он стиснул зубы, задержал дыхание, но хватило ненадолго. Затхлая, жидко-земляная каша забивалась в ноздри. Лёгкие разрывались, просили пощады. Инстинкт заставил Майкла раскрыть рот, масса хлынула туда, и он окончательно потерял сознание. Через несколько месяцев.

... Сумерки окутали землю. Недалеко от двухэтажного деревянного дома стоял чёрный автомобиль. В нём находилась молодая пара. Женщина выглядела старше партнёра, но это никак не влияло на её красоту, в том числе и округлившийся животик. Парень держал в руках квадратный приборчик с кнопкой и посматривал на часы.

— Может, я сделаю это? — спросила женщина.

— Нет, мы же всё обговорили.

— Тебя никто не заставляет. У тебя другая задача.

— Я сам хочу сделать это. Так нужно. Ты и сама прекрасно понимаешь.

— Верно. Но мне кажется, ты сомневаешься.

— Нет. Я пытаюсь уловить хоть какие-то чувства к ним, но... Сплошная пустота. Если честно, меня это радует. У нас больше шансов победить, чем у них.

— Хорошо, я не буду к тебе приставать.

В доме спали мужчина и женщина. Сон их не был естественным. Его вызвали специальные вещества, добавленные в ужин. Снизу дом заполнялся газом благодаря всем конфоркам плиты, включённым в полную силу. Плотные закрытые окна и заткнутые вентиляционные отверстия обеспечивали высокую концентрацию газа в ограниченном пространстве.

В машине парень снова посмотрел на часы.

— Ты уверена, что они правильно рассчитали, как я и просил?

— Можешь не сомневаться. Нажимай.

— Или подождать ещё? Для надёжности?

— Не надо. Они специалисты в таких делах. Не отклоняйся от плана, тогда ошибки не произойдёт.

— Хорошо.

Парень помедлил секунду и нажал на кнопку. Раздался хлопок, треск, почва вздрогнула, и дом взорвался на первом этаже огненным шаром. Привязанные находились на втором этаже, который рухнул в образовавшийся громадный костёр. Покровители тех, сидящих в машине, произвели расчёты с несколькими целями: сжечь заживо хозяев дома и уничтожить все следы пребывания там постороннего. Третий, напичканный наркотиками и ничего не

почувствовавший, лежал в комнате, принадлежащей парню, который нажал на кнопку. Семья состояла из трёх человек, значит, должны быть три сгоревших трупа. Кем был третий, никто никогда не узнает.

Спящие очнулись, когда огонь окутал их со всех сторон. Они не успели закричать, ибо взметнувшиеся пепел и дым заткнули им рты. Волосы вспыхнули и сгорели мгновенно. Кожа вздулась пузырями, которые тут же лопнули, сукровичная жидкость вскипела и испарилась, после чего началось обугливание. Глаза несчастных вскипели и лопнули. От высокой температуры воздуха сгорели дыхательные пути, сначала носоглотка, потом бронхи и, наконец, лёгкие. После секундных судорог для хозяев дома наступил вечный сон.

Чёрный автомобиль отъехал. За рулём находилась женщина, она собиралась обеспечить парню проезд через все кордоны. Для неё препятствий не предвиделось. Она была опытным диверсантом, и хотя эта миссия несколько отличалась от остальных, специализация по внедрению во враждебные общества и в данном случае имела далеко не второстепенное значение. К тому же, парень представлял огромную ценность не только для её работодателей, но и для женщины лично. Она ждала ребёнка от него.

Ранее, ведя развратный образ жизни, она шла навстречу требованиям руководства и делала аборты, но теперь... Будет трудно, но женщина стопроцентно верила в то, что покровители позволят ей оставить ребёнка. Парень, сидящий рядом, станет падением враждебной цивилизации воинствующих людишек. Первый раз за всю историю человек, прошедший жестокий обряд посвящения, предал своё общество. С их помощью психологи разработают модель вербовки молодого поколения, тысячи диверсанток проникнут к врагам, опора и надежда глупо сопротивляющегося человечества переметнётся на противоположную сторону.